

Рецензируемая монография посвящена совершенно неизученной теме. Материальная культура ногайцев, населявших в прошлом обширные степные пространства Поволжья, Северного Причерноморья, Крыма, Предкавказья, до сих пор не была предметом специального изучения.

В основу исследования положены историко-этнографические и краеведческие материалы, опубликованные в многочисленных статьях и заметках исследователей и путешественников XVII—XIX веков. Автор привлекает архивные данные, хранящиеся в Москве, Ленинграде, Махачкале, Ставрополе, а также многочисленные собственные полевые материалы. Книга снабжена фотографиями и рисунками, многие из которых оригинальны и публикуются впервые.

Монография состоит из небольшого предисловия, введения, трех глав и заключения.

Во введении приводятся сведения о расселении ногайцев в настоящее время, а также о их расселении в прошлом. Коротко останавливаясь на вопросах, связанных с хозяйственной деятельностью ногайцев, С. Ш. Гаджиева отмечает, что главным занятием их в начале XX в. было скотоводство. В то же время справедливо отмечено, что уже в XIX веке начало развиваться земледелие; рыболовство и охота были подсобными отраслями хозяйства. Во введении затронуты и некоторые вопросы происхождения ногайцев, их этнического состава. Кратко изложена история ногайского народа. К сожалению, обо всем этом говорится вскользь.

Первая глава посвящена поселениям и жилищам. Кратко охарактеризовав их, автор отмечает, что первые ногайские поселения возникли в северокрымских степях. У кубанских же ногайцев они известны с XVII в., хотя и в XIX в. большая часть населения все еще вела кочевой образ жизни. Анализируя источники, автор высказывает мнение, что для более раннего времени «аул» как вид поселения, не специфичен: народ кочевал крупными подразделениями — ордами. Аулы в современном понимании появились лишь в XVII в. Далее автор рассматривает вопросы классового расслоения в аулах, численность их жителей, размеры, соотношение с местами кочевий. Аулы издавна делились на зимние (*кыслав*), летние (*айлакъ*), осенние и весенние, т. е. на первых порах носили временный характер. Все аулы неизменно располагались около источников воды. Интересны данные о происхождении названий аулов, их связи с племенным составом ногайского народа, с распадом больших патриархальных семей, образованием патронимий. Используя обширный материал, С. Ш. Гаджиева показала, что только в советскую эпоху завершился окончательный переход ногайцев к оседлости, что и обеспечило экономическое и культурное развитие ногайцев.

Общераспространенным типом жилища в прошлом у ногайцев была юрта (*терме, отав*). Автор дает описание юрты, ее конструкции, способа установки; характеризует материал, из которого делались составные части юрты. С. Ш. Гаджиева отмечает, что размеры, качество материала, внутреннее убранство юрты соответствовали материальному положению и сословной принадлежности ее хозяина. Планировка убранства, распределение мест в юрте были строго подчинены раз навсегда принятому распорядку. В этой же главе описаны дома из сырового кирпича (жилище оседлого населения) и приемы их строительства. Заканчивается глава характеристикой убранства юрт и смежных им домов.

С немалым интересом читается вторая глава — «Одежда, оружие и украшения», которая занимает значительную часть книги. Детально рассмотрены такие виды домашних ремесел, как прядение, ткачество, обработка шкур, производство войлока. Описаны приемы изготовления сукна, овчины. Исследовательница показала особенности покроя одежды ногайцев, которые уходят корнями в глубокую древность. Для доказательства этого положения С. Ш. Гаджиева детально сравнивает одежду ногайцев с одеждой половцев — кыпчаков. Так, описывая ногайский башлык (*баслык*), С. Ш. Гаджиева отмечает его генетическую связь с головным убором жителей Средней Азии VI—V вв. до н. э., а также гуннов (заметим, что в состав гуннской орды входили племена, названия которых сохранились в племенной номенклатуре ногайцев и ныне, например, «исун»).

К достоинствам главы следует отнести хорошо разработанную терминологию деталей одежды. Автор показывает также различия в одежде у лиц из разных социальных слоев. К сожалению, при описании оружия, Гаджиева дает далеко не полный перечень его форм. Понятно, собрать в наше время достаточно полные сведения о древнем оружии ногайцев нелегко. Однако данные о традиционных формах и видах оружия можно было бы почерпнуть в богатом героическом эпосе ногайского народа.

Интересна и хорошо аргументирована третья глава — «Пища». Из труда С. Ш. Гаджиевой явствует, что питание ногайцев полностью зависело от хозяйственного уклада, экономики семьи. Это понятно, если представить себе замкнутое хозяйство ногайцев в прошлом. Отсюда — ограниченный ассортимент блюд: в их основе были мясные и молочные продукты. Но это не значит, что в меню ногайской семьи не было кушаний, изготовленных из муки: начинки земледелия появились у ногайцев задолго до перехода их к оседлости. Большой интерес представляет подробное описание изделий из молочных продуктов, процесс их изготовления и способы хранения. В этой же главе автор

останавливается на использовании ногайцами продуктов охоты и рыболовства, а также на различии в питании богатых и бедных семей. Ценные сведения приведены Гаджиевой о взаимовлиянии навыков приготовления пищи у народов Кавказа.

В заключении, подводя итог своего исследования материальной культуры ногайцев, С. Ш. Гаджиева отмечает, что «ногайский народ за свою многовековую историю создал исключительно богатую и своеобразную материальную культуру». Она приводит факты, свидетельствующие об исконных связях ногайцев с другими тюркоязычными народами, и в первую очередь с казахами, каракалпаками, татарами, узбеками; отмечает изменения в материальной культуре, а следовательно и в быту ногайцев, последовавшие за переходом к полной оседлости. Эти изменения коснулись не только жилища, но и одежды, пищи, общественных институтов.

В заключении, подводя итог своего исследования материальной культуры ногайцев, общественно-политической жизни народа, происшедшие за годы Советской власти.

Таким образом, в нашей этнографической литературе появилось еще одно исследование, посвященное народам Кавказа. Оно безусловно заслуживает положительной оценки, хотя, на наш взгляд, в монографии С. Ш. Гаджиевой имеются и некоторые досадные погрешности. На них следует остановиться.

Введение следовало дополнить хотя бы краткими сведениями по истории ногайцев. Ведь она представляет интерес и с общетеоретической точки зрения (особенно в вопросе перехода кочевых ногайцев к оседлости). Можно было бы изложить несколько подробнее и этническую историю ногайского народа. Например, автор ничего не говорит о формировании Большой ногайской орды, Малой орды и Астраханского ханства. Конечно, эти вопросы не относятся непосредственно к теме монографии; однако освещение, хотя бы краткое, этого периода истории ногайского народа помогло бы читателю понять, какое место занимают ногайцы Дагестана и Ставрополя среди народов Юго-Восточной Европы и особенно Северного Кавказа.

Автор утверждает, что земледелие у ногайцев начинает развиваться лишь с XIX века. Однако, как и у других кочевников, у ногайцев хозяйство было комплексным: главной его отраслью было скотоводство, а земледелие занимало подчиненное положение. Укажем на следующий документ. Источник 1492 года сообщает: «...а нынче, государь, царев человек приехал из Орды (ногайской.— Р. К., Я. Ф.) и он сказывает, что Орда пашню пахала на Куме»¹.

Далее, С. Ш. Гаджиева считает, что ногайцы заимствовали юрту у калмыков; но юрты ногайцев по своему устройству относятся скорее к западноюртскому типу. Об этом говорят термины, характеризующие конструктивные особенности ногайской юрты. Вспомним, кстати, свидетельство О. В. Маркграфа, что ногайцы удовлетворяют спрос на кибитки всего населения степей².

Рассказывая о жилище оседлых ногайцев, С. Ш. Гаджиева пишет: «...ногайцы-кочевники постепенно осваивали типы жилищ и приемы их строительства, характерные для соседних народов» (стр. 63). А вот А. А. Шенников, специально занимавшийся архитектурными традициями ногайцев, утверждает, что «... ногайцы создали свой тип дома самостоятельно»³. Можно было бы привести и другие погрешности, которые мы, впрочем, относим за счет неудачной редакции. Но вот одно обстоятельство объяснить довольно трудно. Дело в том, что работа Гаджиевой посвящена памяти А.-Х. Ш. Джанибекова. Но почему же в монографии не нашло отражения огромное этнографическое наследие этого ногайского просветителя?

Недостатки, отмеченные нами, ни в какой мере не умаляют достоинств рецензируемой работы. Мы уверены, что содержательная книга С. Ш. Гаджиевой будет благожелательно принята читателем.

Р. Х. Керейтов, Я. А. Федоров

¹ «Сборник Русского исторического общества», т. 41. СПб., 1884, с. 149.

² О. В. Маркграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882, с. 253.

³ А. А. Шенников. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья.— «Славяно-русская этнография», Л., 1973, с. 62.